

Александр Александрович Силкин

Кандидат исторических наук, старший научный сотрудник,
Институт славяноведения РАН, Москва, Россия. 119334, Ле-
нинский проспект, 32А. E-mail: alexander.silkin.as@gmail.com

Празднование 10-летия Октябрьской революции в Москве глазами сербских левых интеллектуалов. 1927–1928 гг.

Осенью 1927 г. СССР отмечал 10-летнюю годовщину Октябрьской революции. Празднование вылилось в пропагандистскую акцию, цель которой состояла в демонстрации «достижений пролетариата», а также в улучшении репутации советской власти на международной арене. Для этого были приглашены иностранные политические и культурные деятели, в основном левых взглядов, от которых ожидалось, что они в лучшем свете представят увиденное соотечественникам. От сербской «гражданской левицы» в СССР отправились литератор Драгиша Васич, скульптор Сретен Стоянович и главный редактор белградской газеты *Политика* Владислав Рибникар. Опубликованные ими путевые заметки рассматриваются в широком контексте восприятия Советской России западными левыми интеллектуалами. Кроме того, написанное заставляет задуматься о причудливой трансформации в сознании межвоенных левых традиционного сербского русофильства, обусловленного ролью, которую Санкт-Петербург (Петроград) играл в национальной эманципации сербов в XVIII–XIX вв. Будучи критически настроенными к царизму, а также к собственному политическому истеблишменту, сербские левые проектировали свои идеализированные представления о России на первое социалистическое государство.

Ключевые слова: Сербия, Королевство сербов, хорватов и словенцев (СХС), Югославия, Советский Союз, Октябрьская революция, русско-сербские отношения, Драгиша Васич, Сретен Стоянович, Владислав Рибникар, Драгољуб Йованович

Статья поступила в редакцию: 5 марта 2025 г.

Статья принята к публикации: 8 июня 2025 г.

Цитирование: Силкин А.А. Празднование 10-летия Октябрьской революции в Москве глазами сербских левых интеллектуалов. 1927–1928 гг. // Центральноевропейские исследования. 2025. Вып. 8. С. 274–307. <https://doi.org/10.31168/2619-0877.2025.8.10>

Венгерский поэт Дюла Ийеш (1902–1983) в 1934 г. писал: «Объективно настроенный путник ждет от России воплощения мечты о социализме»¹. Этим он выразил чаяния тысяч иностранных интеллигентов, художников и политиков, посетивших Москву в 1920–1930-е годы². Некоторые из них записали и опубликовали свои впечатления, которые французский философ Жак Деррида (1930–2004) окрестил «возвращениями из СССР»³. Книга Андре Жида (1869–1951) *«Retour de L'U.R.S.S.»*, вышедшая в 1936 г., дала название новому литературному жанру, вклад в развитие которого внесли и интересующие нас сербские авторы. Однако, прежде чем к ним обратиться, необходимо коснуться того, как «мечта» завладела умами немалой части образованной европейской публики.

Советский миф

Восприимчивость к крайним идеям можно считать проявлением посттравматического состояния, переживаемого после Великой войны. Победителям и побежденным в разной степени были присущи несбывшиеся ожидания от наступившего мира, фрустрация от эрозии социального статуса, убежденность в несправедливости актуальных общественных отношений и неизбежности краха капитализма, потребность в новых идеалах взамен довоенных ценностей — «буржуазных культурных», утративших свою значимость⁴, а также «стремительно разложившихся моральных»⁵. Емко и образно эту палитру чувств выразил писатель и журналист Артур Кёстлер (1905–1983):

После войны прорвалось подспудно копившееся разочарование. Забытая тяга к Вере, к чему-то абсолютному и неоспоримому, во что можно верить, охватила Европу. <...> Электромагнитная буря разразилась по-разному в зависимости от местных условий. В одних странах ее удалось отсрочить благодаря успокаивающему эффекту победы в войне; в других она пронеслась гедонистической волной, вакханалией джаза и совокуплений. Исторически значимых

¹ Ийеш Д. Россия. 1934. М.: Хроникер, 2005. С. 15.

² Холландер 2001; Дэвид-Фокс 2015.

³ Рыклин 2009: 37.

⁴ Беньямин В. Московский дневник. М.: Ад Маргинем Пресс, 2012. С. 86–87.

⁵ Koestler A. The initiates // The god that failed / ed. by R. Crossman. New York: Harper & Brothers Publishers, 1949. P. 20.

явлений, в которых кристаллизовалось возвращение к Вере, было два: фашизм и советский миф⁶.

Придерживавшиеся правых взглядов «нашли утешение, обвинив в своей участи Версаль и евреев. <...> Другая половина устремилась влево»⁷. Для нее средством «терапии собственных травм» служила Октябрьская революция, создавшая, как написал философ Михаил Рыклинов, «убедительный симулякр преодоления буржуазности»⁸. Самим же левым произошедшее в России виделось

[С]бывшимся мессианским пророчеством со всеми его хрестоматийными лозунгами: “правительством рабочих и крестьян”, “экспроприацией экспроприаторов” и “диктатурой пролетариата”. Эти слова перестали быть высохшими чернилами на бумаге и обрели живую плоть и кровь. <...> Безжизненная утопия превратилась в реальную страну с реальными людьми, достаточно отдаленную, чтобы дать волю воображению⁹.

Воображение рисовало образы, которые послужат аргументации тезиса о распространении в XX в. атеистических светских религий. По формулировке французского философа Раймона Аrona (1905–1983), те «заменяют в душах наших современников исчезнувшую веру и обещают спасение на земле, в форме общества, которое надлежит построить»¹⁰. Не дожидаясь потустороннего божественного воздаяния, советский человек-демиург сам творил земной рай:

Частная собственность, мотив наживы, сексуальные табу, социальные условности – все сметено одним ударом. Не стало больше богатых и бедных, господ и слуг, офицеров и рядовых. Муж не имеет более власти над женой, родитель – над ребенком, учитель – над учеником. Казалось, начался новый отсчет истории *homo sapiens*¹¹.

За этой мечтой и ехали в СССР «объективно настроенные путники», которых М. Рыклинов разделил на три основные группы:

⁶ Koestler A. The yogi and the commissar and other essays. London: Published by Jonathan Cape, 1945. P. 127.

⁷ Koestler A. The initiates. P. 19.

⁸ Рыклинов 2009: 26.

⁹ Koestler A. The yogi and the commissar and other essays. P. 128–129.

¹⁰ Рыклинов 2009: 27. Также см.: Морен 1995.

¹¹ Koestler A. The yogi and the commissar and other essays. P. 128.

Среди них были искренне верующие, вступавшие в компартии, проводившие в жизнь линию Коминтерна <...>, потерпевшие поражение и нашедшие прибежище на “избранной родине”. Большинство из них Сталин “отблагодарил” расстрелами, лагерями и ссылками. Были и верующие другого рода, известные интеллектуалы, сочувствовавшие советскому эксперименту и публично его поддерживавшие. Их имена имели большое пропагандистское значение. К ним примыкала большая группа “попутчиков”, которые, не состоя в партии, также совершали путешествие в “святую землю большевизма”, чтобы поведать о свершениях новой власти. Спектр их суждений простирался от безоговорочной поддержки и прославления до сочувственной, хотя и сдержанной оценки увиденного¹².

Гражданская левица

Среди сочувствующих «попутчиков» оказались и три молодых сербских автора¹³, ставшие свидетелями празднования в Москве 10-й годовщины Октябрьской революции: писатель и адвокат Драгиша Васич (1885–1945) — в прошлом офицер, участник Балканских войн и Первой мировой; скульптор Сретен Стоянович (1898–1960) — бывший член революционной организации Млада Босна, проведший годы войны в австрийской тюрьме; главный редактор белградской газеты *Политика* Владислав Рибникар (1900–1955) — «буржуй и наследник богатой семьи»¹⁴, получивший аттестат зрелости во Франции, где он находился в эвакуации.

Несмотря на столь разный социальный бэкграунд, в Королевстве сербов, хорватов и словенцев (1918–1929 гг.) все трое принадлежали к одному политическому течению — к так называемой гражданской левице. Мира Радоевич охарактеризовала ее как «интеллектуалов различного происхождения — членов гражданских политических партий, декларировавших прогрессивные идеи, в первую очередь демократические». И далее:

Не ограничиваясь требованиями политических свобод, они полагали, что их обязательным дополнением должна стать социальная

¹² Рыклин 2009: 32.

¹³ Матовић 2015. Автор ошибочно приписывает В. Рибникару статьи, опубликованные в *Политике* весной 1927 г. под псевдонимом *Дальни* («Дальний»).

¹⁴ Баровић 2016: 37.

справедливость. <...> Эти идеи разделяли и беспартийные интеллектуалы, которые <...> стремились внести свой вклад в борьбу за более гуманное общественное устройство. Подобные левые взгляды сближали их с социал-демократами и социалистами, а также с коммунистами¹⁵.

На правящие круги представители левицы возлагали ответственность за несовпадение реальности и ожиданий, связанных с окончанием Первой мировой войны и объединением югославян, за межнациональные противоречия, подавление инакомыслия, коррупцию и прочие общественные язвы.

Одной из второстепенных разделительных линий служило интересующее нас отношение к большевистской России. В 1920-е годы власти предержащие в лице короля Александра Карагеоргевича и главы Народной радикальной партии Николы Пашича, как и большинство сербов, сожалели о падении царизма, сочувствовали монархически настроенной русской эмиграции, а об их мнении о большевиках говорит тот факт, что Югославия последней из европейских государств признала СССР (1940 г.). Превалировавшую в сербском общественно-политическом дискурсе оценку русской революции и Гражданской войны иллюстрирует отрывок из книги (1933 г.) Любомира Михайловича-Польского — офицера и свидетеля событий:

Революция — это кровавая стихия хаоса, которая и у “самых культурных” пробуждает <...> сокрытый в каждом человеке инстинкт зверя. Перед его кровожадностью, свирепостью и скотством бледнеют все самые низкие инстинкты диких животных. Такую революцию я видел в России, убедившись, что она нисколько не похожа на поэтизированные революции, как их изображают в театре или в художественной литературе¹⁶.

Сербские левые, напротив, приветствовали революцию и выступали за немедленное признание Советского Союза. В их глазах он представлял собой «справедливоое» общество, источник новой «духовности», выгодно отличавшейся от западных «выродившихся

¹⁵ Радојевић 2015: 78.

¹⁶ Михајловић-Польски Љ.М. Крвави трагови: крај једне империје... // Срби о Русији и Русима: Од Елизавете Петровне до Владимира Путина (1750–2010): Антологија / [приредио] М. Јовановић. Београд: Службени гласник, 2011. С. 424–425.

систем и устаревших форм»¹⁷, и одновременно государство русского народа, продолжателя его культурных традиций. Отметим, подобное видение отражено в художественных и публицистических произведениях, написанных еще до того, как их авторам довелось оказаться в СССР.

Одно из таких произведений — роман с характерным названием «Красный туман», в 1922 г. вышедший из-под пера Д. Васича. В уста главного героя — солдата сербской армии, сражавшегося на Салоникском фронте, — он вложил свое восприятие русской революции:

Из всего, что творилось <...> в этой крысиной возне, хорошо только то, что *наша старшая сестрица* (курсив мой. — A.C.) Россия сотворила <...> Ей-богу, только это хорошо, а все остальное гроша ломаного не стоит. Я не знаю, что именно она сделала, только чувствую, что произошло большое очищение. <...> Только там нет этой старой гнилой мебели, а комната ее, мне кажется, каким-то чудом проветрена¹⁸.

Лидер Земледельческой левицы профессор Белградского университета Драголюб Йованович пять лет спустя отметил годовщину Октябрьской революции статьей «Опора на Россию».

В самое тяжелое для сербского народа время (1815 г.) только русские продемонстрировали какое-то сочувствие к неслыханным страданиям целого народа, в то время как все европейские народы оставались равнодушными. Старая Россия нас поддерживала и бросала, предпочитала нам Болгарию и проч., однако все-таки помогла нам завершить освобождение Сербии. *Мать* не должна быть ни лучшей, ни самой красивой, чтобы оставаться самой любимой. Тем более, что, как нам казалось, наступало ее время¹⁹.

В отсутствие оригинала мы из более поздних мемуаров самого автора узнаем, что в 1927 г. его отношение к Советскому Союзу было обусловлено событиями более чем столетней давности.

¹⁷ Мильковић Б. Две наше књиге о Русији // Српски књижевни гласник. 1928. 16 VI. Књ. XXIV. Б. 4. С. 302.

¹⁸ Васић Д. Црвене магле. Београд: Српска књижевна задруга, 1922. С. 78–79, 94. Так же см.: Кончаревић 2020.

¹⁹ Јовановић Д. Политичке успомене. II. Сазнања. Београд: Архив Југославије, 1997. С. 70–71.

По прошествии Второй мировой войны Д. Йованович продолжил цитировать собственную, написанную много лет назад статью

Из-за русской революции центр мировой политики переместился на Восток, после Парижа во главе человечества оказались две культурных столицы: Нью-Йорк и Москва. <...> Сегодня сильнее Нью-Йорк, а завтра, возможно, сильнее будет Москва. Уже сегодня она нам ближе, потому что *наша*. Поэтому без стеснения поспешим к ней в объятия! Мы и так опоздали, десять лет потерянно!²⁰

Сретен Стоянович тоже полагал, что революция и Гражданская война не изменили сути «семейных» связей Сербии и России — «страны, которая всем нам *была так близка и такой же остается*»²¹: «Забывают, что русский народ все еще в России, и никакие режимы не в состоянии превратить его в другой народ с иными чертами. И никакая система не уничтожит наше старинное *родство* с русскими»²².

Приведенные мнения порождают немало вопросов. И, хотя они могут показаться придираками, позволим себе их сформулировать, оправдываясь тем, что каждый читатель неминуемо вступает в мысленный диалог с автором. А именно: чем «хорошим» обернулась революция в России для сербской армии, сражавшейся на Салоникском фронте; что заставило Васича, взявшего в жены русскую беженку — генеральскую дочь (1924 г.), полагать, что на ее родине произошло «большое очищение»; почему Д. Йованович, проведший студенческие годы во Франции и получивший докторскую степень в Сорbonne, считал Россию «матерью»; откуда уверенность, что, отрекшись от своего прошлого, та по-прежнему испытывает «сестринско-материнские» чувства к сербам; почему боснийский серб Стоянович полагал, что «системы и режимы» не способны изменить народ, имея перед глазами доказывавший обратное пример босняков-мусульман, предки которых приняли ислам под давлением оттоманских властей? И, наконец, такими ли «интеллектуалами» были представители левицы, как их преподносят современные сербские исследователи?

Ни один из вопросов не вызывает затруднения, за исключением, как ни странно, последнего. Отвечая на него, будем помнить,

²⁰ Јовановић Д. Политичке успомене. С. 70–71.

²¹ Стојановић С. Импресије из Русије // Срби о Русији и Русима. С. 469.

²² Цит. по: Радојевић 2015: 82.

что перед нами не заблуждения отдельных лиц, а позиция целой социальной группы, проявлявшей свое русофильство отличным от сербского мейнстрима образом. Для понимания этой позиции необходимо учитывать, что «представления о России в сербском обществе», по словам профессора Белградского университета Мирослава Йовановича (1962–2014), «не являются однажды и навсегда сложившимся образцом»²³. В течение длительного времени на них влияла политика Петербурга (Петрограда) в отношении Стамбула и Вены, препятствовавших национальной эмансиации сербов. В результате в XVIII–XIX вв. сложились и «абсолютно доминировали» позитивные чувства — надежда на помощь и благодарность «Святой Руси», а также ощущение общности сербов с далекими «единоверными братьями»²⁴. Показательно описание Павлом А. Ровинским, путешествовавшим по Сербии в 1867 г., беседы с любопытным сербским крестьянином, который расспрашивал запутавшего иностранца:

— Што си? (Что ты — то есть кто ты таков?)

Объявляю, что рус.

— Какой веры?

— Православной.

— Знаешь “Отче наш”?

— Знаю.

— Поговори.

Читаю “Отче наш”, а он уставился в землю и слушает, взвешивая каждое произнесенное мной слово.

— Ама добро, брате, читаши; па ти си србин (Да, хорошо, ты, брат, читаешь, значит, ты — серб).

Начинаю пояснять, что я не серб, а русский, но что русские и сербы славяне, люди родственные по языку и одного православного исповедания.

— Нет, ты сербин, ты этого сам не знаешь; а вот ты хочешь видеть наши монастыри, так, когда дойдешь в Студеницкую лавру, там есть ученые монахи и у них старые книги, они тебе покажут, что русские все сербы²⁵.

²³ Јовановић 2011: 18, 32.

²⁴ Русские о Сербии и сербах. СПб.: Алетейя, 2022. Т. 1. Письма, статьи, мемуары / сост., подг. к изд., введ., закл. ст. А.Л. Шемякина. С. 81–82.

²⁵ Там же.

Общей картины не изменило появление антироссийских настроений в последней четверти XIX в. вследствие не вполне удовлетворительного для Сербии исхода Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. и Берлинского конгресса 1878 г.

Условный пророссийский унисон начал разрушаться после Октябрьского переворота и Гражданской войны, когда появилось две «России» — советская и зарубежная, а среди сербов получили широкое распространение коммунистические и, вообще, левые идеи. У тех, кто их воспринял, не изменив при этом традиционным симпатиям, вероисповедальная близость с русскими отошла на второй план в качестве мотива устойчивой привязки к ним. В сознании многих лиц «православного царя» сменился более яркими и актуальными образами, как у Васича с его «старшей сестрицей», предпринявшей «большое очищение». При этом нетронутой оставалась изначальная основа русофильства — ощущение «старинного родства», убежденность в исключительной, «эксклюзивной» близости сербов и русских, нетерпеливое ожидание помощи и, разумеется, единение в (новой) вере. «Перевернутая и переосмысленная религиозность» как «неотъемлемый компонент представления об СССР и новом “идеологическом рае”» объединяла сербских коммунистов с западноевропейскими товарищами. Отличительная черта состояла в том, что у первых, по формулировке М. Йовановича, сохранялись «элементы религиозного дискурса, уходившие корнями в прежнюю эпоху»²⁶, когда студеницкие монахи точно знали, что все русские — сербы.

Оговоримся, атавизмы восприятия России, пережившие XIX в., были присущи не одним сербским левым и имели корни не в одной только конфессиональной общности. «Старая песня на новый лад» — так можно описать общую условную славянско-балканскую специфику распространения советского мифа, в соответствии с которой на СССР проецировалось отношение к Российской империи. Как в случае с процитированным Драголюбом Йовановичем, который, напомним, решил поздравить СССР с 10-летием революции в благодарность за то, что в 1815 г. император Александр I и его министр Карл Нессельроде (1780–1862) единственные из участников Венского конгресса вняли мольбам мятежных сербов о заступничестве перед Османской империей.

²⁶ Јовановић 2011: 21.

В том же духе католик Степан Радич, возглавлявший Хорватскую народную крестьянскую партию, в 1928 г. приписывал советскому руководству «колossalную славянскую политику», в сравнении с которой курс «царской России выглядит всего лишь увертюрой»:

Чичерину не надо говорить о славянстве, так как он осуществляет гораздо более успешную славянскую политику, чем <...> русские цари когда-либо. Чичерин именно потому проводит славянскую политику, что не проводит политику православную, не ставит цель захвата Царьграда <...> ради Святой Софии и ни с кем не ищет конфликтов²⁷.

Реминисценцию о России — защитнице православных подданных султана — можно распознать в книге румынского писателя греческого происхождения Панайота Истрати (1884–1935), побывавшего в СССР в 1927–1928 гг. Свое разочарование от увиденного он назвал «обрушением веры»: «Прощайте, мечты, прощайте, планы! Мечты о служении новой *Святой Руси* <...>. Планы борьбы ради защиты советской страны, которая рождает человечество завтрашнего дня»²⁸.

Многие полагали, что залогом понимания советского эксперимента служит любовь к русской классической литературе и, разумеется, «старинное родство». Как, например, Бранислав Милькович — автор рецензии на книги Васича и Стояновича, написанные по итогам поездки в СССР:

Большинство тех, кто туда отправляется, обременены многочисленными предрассудками и привычками европейской жизни — скорлупой, которая мешает подлинному пониманию. Ни ума, ни теоретической подкованности <...> недостаточно для понимания этой “великой религиозной авантюры”, как назвал ее один французский писатель <...>. Необходимо иметь способность осмысления русской жизни, которая принципиально отличается от европейской. Редко кто в Европе правильно оценивал человеческую жизнь, как ее живописует русская литература. *Славянин* вернется оттуда с наиболее справедливым и всеобъемлющим суждением. Поэтому господа Васич и Стоянович располагали наиболее действенным средством для понимания и проникновения²⁹.

²⁷ Г. Радић о Русији // Политика. 1928. 07 IV: 4.

²⁸ Истрати П. Исповедь для побежденных: После шестнадцати месяцев в СССР. СПб.: Нестор-История, 2024. С. 176, 179.

²⁹ Мильковић Б. Две наше књиге о Русији. С. 302.

Очевидно, в основе сербской «коллективной фантазии о России»³⁰ лежало отсутствие знаний о ней, объединявшее встретившегося Ровинскому крестьянина, межвоенного беллетриста и университетского профессора. Д. Васич косвенно признался в этом устами главного героя романа, неуверенного, «что именно старшая сестрица сделала». В книге «Впечатления из России», опубликованной по итогам предпринятого осенью 1927 г. путешествия, красноречиво описание первых переживаний по приезде в СССР: «Прибыли мы в страну, которую любим <...>, в которой никогда ранее не были и о которой нам рассказывали прямо противоположные вещи»³¹.

В мемуарах проявил откровенность Д. Йованович, объяснявший отказ составить компанию Васичу со Стояновичем:

Что там могло быть после двух революций, гражданской войны, интервенции западников, внутренней борьбы с Троцким, с крестьянами? <...> Какой-то прогресс <...>, который мог бы оценить только тот, кто хорошо знал царскую Россию. Обо мне этого нельзя было сказать. Я видел лишь кое-что из богатств и красот Запада и *нашей* Чехословакии³².

Отдавая себе отчет в собственном незнании, Д. Йованович воздержался от поездки в Москву, но тем не менее призывал остальных поспешить к ней «в объятья». Впоследствии его, как он сам признался, за это «подвергали сильным нападкам, особенно, когда наши люди узнали о сталинских чистках». Однако до конца 1930-х годов левых не заботило вероятное несоответствие реальности образа Советской России, предъявлявшегося ими югославской общественности. Для них портрет «сестрицы/матери» имел значение только как идеологическое средство оппонирования правящему режиму.

Бессмысленно искать совпадение между описаниями России, размышлениями о ней и Россией самой. Прежде всего по той причине, что она в сербском общественном дискурсе, медийном пространстве и, следовательно, в восприятии индивидуума существует *исключительно ради нас* (Сербии, Югославии) и *единственно ради нас* (курсив мой. — А. С.) <...>. Не только представления о русских

³⁰ Јовановић 2011: 36.

³¹ Васић Д. Одабрана дела. Београд: Алтера, 1990. С. 298.

³² Јовановић Д. Политичке успомене. С. 70.

и России мало соответствуют подлинной ситуации в России, сербская интеллигентская элита, по сути, и не интересуется современной Россией³³.

Эти слова Мирослав Йованович писал о русофильстве/русофобии начала 2000-х годов, но как будто имел в виду своего однофамильца, преподававшего в университете семьдесят лет назад. И далее: «Россия превращалась в символ, утилитарное прикладное значение которого ограничивалось исключительно внутрисербской политической полемикой и идеологической борьбой».

Наряду с традиционными симпатиями, искушением революционными лозунгами и неизбытной неосведомленностью, позволявшей наделять воображаемый объект любыми чертами, на восприятие современной России влияли особенности биографий деятелей левицы. Прежде всего, те, которые обусловили критическое отношение к двору и правящим партиям. Что касается Васича, немалую роль сыграла его близость к основанной в 1911 г. тайной офицерской организации «Объединение или смерть», также известной как «Черная рука». В 1917 г. ее авторитетных членов, включая родственника Васича Любомира Вуловича (1876–1917), казнили по итогам Салоникского процесса, сфабрикованного Александром Карагеоргиевичем и руководством Радикальной партии. Сложно не увидеть прямой связи между ликвидацией престолонаследником политических оппонентов, обвиненных в фиктивном покушении на него, и тем, что в 1922 г. на так называемом Видовданском процессе Васич выступил в роли адвоката коммуниста Спасе Стеича (1892–1943), в июне 1921 г. брошившего бомбу в карету венценосца.

До этого Васич выражал свою оппозиционность «на страницах основанной им газеты *Прогресс* (1920 г.), в которой с бескомпромиссной критикой обрушивался на несправедливость, коррупцию, жажду наживы, протекционизм и отказ от идеалов»³⁴. За это его на два месяца мобилизовали как офицера запаса и отправили в войска подавлять албанский мятеж на юге Югославии. Словом, у Васича имелись веские причины по разным вопросам внутренней и внешней политики, включая отношение к России, занимать позицию, противоположную той, которой придерживался Александр Карагеоргиевич.

³³ Јовановић 2011: 13, 35.

³⁴ Радојевић 2015: 80.

В 1922 г. взгляды начинающего литератора исчерпывающе описал ученый-филолог и умеренно оппозиционный политик Милош Московлевич (1884–1968), не понаслышке знавший о трагических событиях в России: «Драгиша — неисправимый идеалист, почти что фанатичный панславист, немного большевик. Он верит, что Россия спасет нас от загнивания Запада. Свои идеи он выскажет в романе, над которым сейчас работает»³⁵.

Осенью 1927 г. сформулированное Московлевичем левацкое *credo* прошло проверку реальностью, когда Васичу, Стояновичу и Рибникару представилась возможность посетить Советский Союз. Прежде чем обратиться к их впечатлениям от поездки, нeliшне задаться вопросом, как был организован процесс приглашения иностранцев. Наши герои об этом умалчивают, чтобы не проговориться о связях с запрещенными в Королевстве СХС коммунистами. Благо имеются мемуары Д. Йовановича, из которых следует, что отбор получался национальным компартиям:

В начале октября [Отокар] Кершовани сообщил мне, что коммунистическая партия [Югославии] выразила пожелание, чтобы я отправился в Москву на празднование 10-й годовщины и захватил с собой восемь крестьян по своему выбору. Их аппарат готов обеспечить нас поддельными паспортами. Нам только фотографии надо предоставить. Расходы тоже берут на себя “товарищи”, а “там” мы будем находиться в качестве гостей Советов³⁶.

Принцип селекции, по словам П. Истрати, состоял в том, чтобы собрать «самых удобных из “независимых умов”» Европы в Москве, где их предполагалось подвергнуть «эмоциональной большевизации». Помимо так называемого Конгресса друзей СССР³⁷, ее инструментом служила демонстрация достижений пролетариата за десять лет:

В эти праздничные дни все было парадом. <...> Завод за заводом, больница за больницей, школа за школой, банкет за банкетом. <...>

³⁵ *Московљевић М.* Дневник 1916–1968. Београд: Институт за новију историју Србије, 2018. Књ. 2. У Краљевини СХС. 24. април 1919. – 4. јануар 1929. С. 98.

³⁶ *Јовановић Д.* Политичке успомене. С. 69.

³⁷ Всемирный конгресс друзей СССР проходил с 10 по 12 ноября 1927 г. Поводом для организации конгресса стало мнимое намерение западных держав развязать войну против Советского Союза.

И везде, везде одни и те же отвратительные речи. <...> Каждого оратора непременно приветствовали в конце выступления под фанфары оркестра, которые аудитория должна была выслушать стоя³⁸.

Румынский писатель довольно быстро выработал иммунитет к подобной обработке: «В первый раз от эмоций у меня перехватило горло. Это было грандиозно. Во второй раз я не испытал ничего. Я уже все испытал накануне. В третий раз я уже больше не мог это слушать и “заскучал”». Сербы, напротив, гораздо легче подвергались индоктринации. Ее следы четко прослеживаются в написанном, которое разделено незримой, но вполне осозаемой внутренней границей. Отдельные главы и статьи отражают не что иное, как личные впечатления авторов, искренние и противоречивые. А другие, освещавшие «парад», как будто написаны под диктовку его организаторов. Руководствуясь хронологической очередностью, начнем с первых. Ведь пока гости не доехали до Москвы, некому было их «большевизировать».

«Ностальгия» по Пушкину

Личная способность авторов к осмыслению действительности в не меньшей степени, чем введение их в заблуждение принимающей стороной, наложила отпечаток на тексты. Их лейтмотив — растерянность и замешательство от увиденного, признание в котором обнаруживается уже при описании дороги в Москву. Васич, будучи неуверенным в том, что его ждет в конце пути, пытался убедить читателя и самого себя, что предстоит встреча с миром, отраженным в русской литературе. При этом рефлексия о собственных теперешних и юношеских переживаниях описывает состояние, которое не назовешь иначе как болезненным:

Обуяло ли меня возбуждение? Каково оно теперь, когда <...> молниеносно мчусь я туда, куда так жаждал попасть — в странную и недоступную мглу моего сознания? Велико и несомненно возбуждение, охватившее меня <...> В детстве, в ранней нашей молодости, когда мы не знали, чего хотели, но чего-то неопределенного жаждали, в этой глубокой и темной глубине, еще до опьянения от русской литературы, наступившего во время взросления, разве были у нас тогда чувства сильней и слаше, чем эта ностальгия? Разве был кто-то

³⁸ *Истории П.* Исповедь для побежденных. С. 114, 131.

и где-то, кроме нас, кто также трепетал от русской земли, русской березы, у которой упал сраженный Пушкин, русской зимы, русской тройки или музыки самовара?³⁹

Подчеркнем, воображаемый «Пушкин» для Васича не просто олицетворение золотого века русской литературы или «ностальгия» по детству. С его помощью он пытался выстроить отношение к современной России и свергнутому царизму: «Двух мнений быть не может о режиме, который поднял против себя такого как Пушкин, такую плеяду из Крепостного права (так в тексте. — А. С.), народников, Народную волю, такого как Достоевский или Толстой»⁴⁰.

Что касается вопроса «был ли кто-то, кроме нас?», то, вопреки приведенному мнению Б. Мильковича, безусловно, был! Переселившаяся в 1931 г. в Москву немецкая коммунистка Маргарете Бубер-Нойман (1901–1989) в аналогичной ситуации также находилась в агитации. И ответы на вопросы, множившиеся по мере того, как загадочная Страна Советов становилась все ближе, она тоже искала в книгах, прочитанных в юности: «Я так страстно желала видеть в стране Октябрьской революции только хорошее, что переносила на нее даже свою любовь к Толстому, Гончарову и Тургеневу. Теперь мне предстояло увидеть эту страну своими глазами, и от радости я была словно в лихорадке»⁴¹.

Схожие чувства описывал и Д. Ийеш, хотя у него наблюдаемое из вагона вызывало иные, более уместные исторические ассоциации:

По мере приближения к Москве я с возрастающей подозрительностью присматривался к мелькавшим за окном домам, и мне все чаще вспоминался пресловутый Потемкин. <...> Все представавшие взору картины были окутаны дымкой некоего волшебства. Я не чувствовал почвы под ногами, голова слегка шла кругом. <...> Об излечении хвори, к счастью, позабочились сами русские, <...> подле своих творений, составляющих предмет наибольшей гордости, они в небрежении бросали отходы труда. <...> Потемкин, скорее всего, умел создавать кулисы, нынешние же русские даже поддерживать чистоту на сцене и то не умеют⁴².

³⁹ Васић Д. Утиси из Русије // Срби о Русији и Русима. С. 447.

⁴⁰ Там же. С. 452.

⁴¹ Бубер-Нойман М. От Потсдама до Москвы. Фрагменты книги // Иностранный литература. 2015. № 4. С. 46.

⁴² Ийеш Д. Россия. С. 21–22.

Книга Ииеша нам еще пригодится в качестве эталона здравомыслия и рационального взгляда на незнакомую среду, а пока зададимся вопросом о происхождении «возбуждения/хвори/лихорадки». По словам М. Рыклина, для многих «пересечение границы Советской России было связано с сильными эмоциями. Она была оформлена не просто как въезд в еще одну европейскую страну, а как ворота в новый мир... Даже воздух на социалистической родине пахнет по-другому, уверяли читателей привлеченные аурой революции пилигримы»⁴³. Те испытывали именно религиозные переживания, в подтверждение чего автор привел несколько «патетических высказываний». Как, например, призыв Клары Цеткин разуваться, прежде чем ступить на советскую «святую землю». Не менее выразительно описание Рибникаром чувств тех «рабочих делегатов», для кого реальность обретения коммунистического «рая» расходилась с ожиданиями:

Прижалвшись лбом к заледеневшему окну вагона, они тщатся что-то разглядеть во мраке ночи. Нетерпеливые они хотят безотлагательно удостовериться в том, о чем столько мечтали. <...> Ясная ледяная ночь, сквозь которую со свистом и тряской легко несется длинный поезд, заставляет их гневаться. Столько тысяч километров пройдено. <...> И теперь, когда почти достигнута цель путешествия, им кажется непонятным, невозможным и безумным, что все самое светлое из их мечтаний погружено в полный мрак. Представители рабочих масс из далеких стран не рассчитывали увидеть в России ночь, тем более такую длинную⁴⁴.

Блуждание и замешательство

Для Васича советская действительность оставалась непостижимой и после прибытия в Москву, в чем он признался в главе с красноречивым заголовком «Блуждание»:

Дни сменяют один другой, и к человеку приходит понимание, что он взвалил на себя непосильную ношу. Вам легко здесь упрекать нас: «Вы видели только это, а остальное не видели». <...> И мы это хорошо понимаем, однако нужно было оказаться в нашей шкуре. <...> Выйти утром вместе с нами на улицу, войти в какое-нибудь ведомство, в магазин,

⁴³ Рыклин 2009: 40.

⁴⁴ Рибникар В. На пути за црвену Москву // Политика. 1927. 22 XII: 1.

в церковь... Туда, где жизнь кипит. И, все равно, вернулись бы вы неувольтвorenными, как и мы. Потому что, куда ни пойдешь, и где ни очутишься, не найдешь того, что ищешь. Того, что требуется для ответа на вопрос, который тебя мучит. Ведь увидеть или услышать что-либо можно только фрагментарно, а все видимое — всего лишь сегодняшний день и не имеет связи с прошлым и будущим. Как и повсюду⁴⁵.

Непросто понять, что же именно «мучило» Васича. Среди прочего, по-видимому, несоответствие отношений в сфере услуг тому, что он и Стоянович рассчитывали увидеть в социалистическом обществе:

Вы в государстве рабочих. Из отеля, полного прислузы, выходите на улицу. И портье услужливо открывает перед вами дверь, ожидая чаевые. Как и везде. Только вышли — перед вами предстает продавец яблок. Дрожа от холода, он склонился над корзиной, которая составляет его единственный капитал. А на улице полно людей, как и везде: этот нищий, там дама с собачкой, тот великолепно одет. <...> Мимо вас проносится машина, в ней — мужчина в шубе. А министры живут в Кремле, перед которым прогрессивные дворники расчищают выпавший вчера снег. Вокруг вас нищие. Итак, что же вы видели, могу я поинтересоваться? И разве увиденное не такое же, как и везде?

Те же смутные сомнения терзали и Стояновича:

Нелегко сориентироваться, потому что вас приводят в замешательство торговка сигаретами, а она, между прочим, забирает 13 % от проданного и имеет сына в гимназии. А по ресторанам поют цыганки. И останавливает вас человек с гитарой, прося дать ему на водку. В это самое время второй, одетый лучше вас и выглядящий более отдохнувшим, чем вы, просит милостыню, чем приводит вас в изумление. <...> Ниже человеческого достоинства брать чаевые, а их тем не менее почти везде принимают. Все должны трудиться, а в больших магазинах продавцы, получающие жалованье, не торопятся выполнять свои обязанности. Они совершенно невозмутимы, и вы не знаете, объяснять ли это особенностями русского характера или ленью того, кто убежден тем не менее, что приносит пользу обществу⁴⁶.

Перечисляя, что их «приводит в замешательство», авторы это свое чувство не анализируют. Домысливая, можно предположить,

⁴⁵ Васић Д. Одабрана дела. С. 298–299.

⁴⁶ Стојановић С. Импресије из Русије. С. 477–479.

что с корыстной услужливостью швейцаров и сребролюбием цыганских ансамблей — этими низкими качествами — они были готовы столкнуться на Балканах или в Западной Европе, но не в первом социалистическом государстве. Разумеется, диссонанс ожидаемого и увиденного испытывали не только Васич со Стояновичем. Д. Ийеш сформулировал за них подлинную суть затруднения, в котором находился каждый впервые оказавшийся в СССР иностранец:

С чем же сравнить русский социализм? И можно ли вообще в какой-то момент зафиксировать, что процесс формирования закончен и пора, мол, эту новую систему приравнять к какому-либо уже сформированному и пребывающему в относительной стабильности обществу? <...> Однако суть Советской России <...> заключается именно в вечном процессе формирования, в непрестанном брожении. Нынешние результаты даже сами преобразователи системы считают чуть ли не побочными. Конечно, мы уже могли бы жить в одноэтажных домах, говорят они, но ведь мы возводим многоэтажный дворец, а пока что в случае необходимости можем перебиться и бараками. <...> Иностранец поначалу не может взять это в толк. Он ищет факты, данные, то есть точку опоры. Выхватывает из массы отдельных людей, а затем и целые группы, чтобы проследить на их примере изменение, которое из предосторожности он не склонен считать прогрессом⁴⁷.

Задав вопрос, что за общество создается в СССР и как оно соотносится с социалистическим учением, Д. Ийеш к концу своего пребывания пришел к нелестному для пригласивших его ответу:

Я не вижу проблесков духа братства, перспективы нового райского общества. <...> В отношениях между людьми я вообще не отмечаю не то что братства, но даже необходимой вежливости. В общении сталкиваюсь с подозрительностью, завистью, стремлением обскакать других. <...> У вас существует расслоение общества, и различия между слоями заметны невооруженным глазом. <...> Что-то не замечал я, <...> чтобы те, кому судьба улыбнулась, проявляли по отношению к малоимущим хотя бы минимум сочувствия, понимания и готовности помочь, как мы вправе ожидать от провозвестников социализма⁴⁸.

Сербские путешественники далеки от таких рассуждений, хотя и по разным индивидуальным причинам. Васич — в силу

⁴⁷ Ийеш Д. Россия. С. 15–16, 188–189.

⁴⁸ Там же.

неспособности формулировать вопросы и отвечать на них, как Ийеш. При этом писателю-адвокату не отказать в наблюдательности и неравнодушии, за что мы ему еще воздадим должное. Что касается Стояновича, то его как очевидца характеризует тот факт, что за все время пребывания в Москве он, по его словам, не встретил ни «голодных», ни «оборванных», ни «беспризорных»⁴⁹. В это трудно поверить, ведь его друг и попутчик видел нищих у гостиницы, а также посетил колонию для беспризорников в Зачатьевском монастыре в Хамовниках, чему посвящен отдельный параграф книги.

Бездомных детей встречали все без исключения иностранные авторы, посещавшие СССР в 1920–1930-е годы, включая, разумеется, Ийеша:

Поздней ночью возвращаясь к себе в гостиницу, я видел парнишку, спящего под уличным фонарем. Лампа не освещала ничего вокруг, кроме детской фигурки. <...> Я остановился подле спящего; всякий раз, как я встречал беспризорника, я задумывался над его судьбой. В Москве я видел их по меньшей мере человек пятьдесят. Но зрелище и одного единственного ребенка произвело бы на меня точно такое же впечатление. Как же можно?!⁵⁰

Зимой 1926/1927 г. о московских беспризорниках оставил запись в дневнике немецкий философ Вальтер Беньямин (1892–1940):

Все еще можно встретить запущенных, безымянно-жалких беспризорных. Днем они по большей части встречаются поодиночке, каждый на своей боевой тропе. По вечерам же они собираются в команды перед ярко освещенными фасадами кинотеатров, и приезжим говорят, что в одиночку с такими бандами лучше не встречаться⁵¹.

Сталинские гаттамелаты и тень оппозиции

Все, так или иначе дискредитированное советский строй, гости могли наблюдать, будучи предоставленными самим себе. Когда же они находились под присмотром сопровождающих, увиденное воспринималось по большей части в позитивном ключе. Впечатления

⁴⁹ Стојановић С. Импресије из Русије. С. 476, 479.

⁵⁰ Ийеш Д. Россия. С. 145.

⁵¹ Беньямин В. Московский дневник. С. 218.

конкретны, подозрительно детальны и идеологически выверены, будто списаны из передовицы в «Правде»:

Запасшись пропусками на трибуну, мы направились на Красную площадь. Пробиваясь сквозь взволнованные массы <...>, мы шли по улицам и, пройдя через Иверские ворота, оказались на одной из самых величественных площадей мира. Поднялись на трибуну, позади которой возвышались стены Кремля. <...> Под ними — братская могила, в которой лежат Фрунзе, Дзержинский, Ногин, Свердлов <...>. Справа от нас — временный деревянный мавзолей Ленина. На нем — Сталин, Бухарин, Калинин, Енукидзе, Ваян-Кутюрье, Клара Цеткин, Крупская, Ворошилов, Буденный. Машут руками, головными уборами, выкрикивают лозунги, которые разносятся через громкоговоритель. <...> Нет конца красным волнам демонстрантов, выстроившихся в шесть колонн. Под присмотром красноармейцев строем идут организации — партийные, профсоюзные, заводские, делегации из провинции, вооруженные комсомольцы, отряды вооруженных рабочих с транспарантом “[Наш] Ответ Чемберлену!”. Лес полотнищ с лозунгами. <...> И так часами. В тумане, разрезаемом лучами прожекторов, все выглядят волшебным, а конные красноармейцы напоминают Кватемелату Донателли (так в тексте. — A.C.). Бесконечная красная река неспокойно шумит, как во время наводнения.

Мы не растерялись. Увидели достаточно и остались довольными. Как будто нам уже много раз приходилось быть этому свидетелями. Спустившись с трибуны, мы пошли удостовериться, не течет ли по Москве еще более красная река, но в другую сторону. Что там с бурной рекой Троцкого? Должны признаться: не видели⁵².

Зато П. Истрати видел:

В день главного парада <...> оппозиция попыталась заявить о себе и чуть не была уничтожена физически. Лично я оказался в центре перепалки, которая произошла под балконом, где я находился и откуда вожди оппозиции попытались обратиться к толпе. Я вовремя спасся, когда конная охрана прокладывала дорогу в толпе, достаточно жестоко для красных охранников раскидывая манифестантов, таких же красных, как и они сами. <...> И тогда моим духом овладели серьезные сомнения: что же такое, в конце концов, представляет собой эта Оппозиция <...> и почему ей не позволяют высказаться ни на трибуне, ни в газете⁵³

⁵² Василь Д. Одабрана дела. С. 271–272.

⁵³ Истрати П. Исповедь для побежденных. С. 129.

В плену пропаганды

Румынский писатель в силу своего темперамента и любопытства представлял собой редкое исключение из сформулированного им же закона советского гостеприимства: «Гости могли смотреть только то, что им показывали, и говорить то, что положено»⁵⁴. Васич же со Стояновичем ему по большей части подчинялись, что не делает их повествование слишком увлекательным. Чего стоит хотя бы девятистраничное описание посещения Моссовета, где Васича, по-видимому, снабдили какой-то брошюрой, которую он воспроизвел едва ли не дословно. Не установить, справедлива ли наша догадка, однако книга обогатилась следующими параграфами: «Организация Советской власти»; «Политические права»; «Налоговый вопрос»; «О положении женщины и ее правах»; «Брачное законодательство и семья»; «Борьба с проституцией»; «О защите материнства и праве на аборт»; «Прочие вопросы»⁵⁵.

Откуда именно почерпнуты сведения о перечисленном, Васич не указал. Наверное, дабы поддержать иллюзию того, что все рассказанное читателю — плод самостоятельных авторских изысканий. Описание Стояновичем успехов советской власти более простодушно. Например, в главе, посвященной науке, говорится, что, хоть та скульптуру «не так близка», он не сомневается — в СССР она «защищена и высоко ценится». Дабы удостовериться в этом, «требуется всего лишь прочитать несколько информационных бюллетеней ВОКСа»⁵⁶. Из них известно, что «медицина представлена 3289, точные науки — 3535, прикладные — 2729, а литература — 3243 учеными». Все они «создали то, чего раньше не имели (так в тексте. — A. C.), и что до сих пор тайна на Западе»⁵⁷.

В указании количества научных работников нетрудно распознать один из главных приемов советской пропаганды, который состоял в том, чтобы снабдить иностранца, даже самого непредвзятого, «достоверными» статистическими данными. Не подлежавшие ни подтверждению, ни опровержению, они должны были служить

⁵⁴ Истрати П. Исповедь для побежденных. С. 114, 119.

⁵⁵ Васич Д. Одабрана дела. С. 280–289.

⁵⁶ Всесоюзное общество культурной связи с заграницей (ВОКС). Основано в 1925 г. Первый председатель — Ольга Давидовна Каменева (1883–1941).

⁵⁷ Стојановић С. Исповести. Београд: РТС, 2014. С. 163–164.

доказательством грандиозности предпринятого в СССР эксперимента. В результате на читателя обрушивался «шквал цифр по производству, строительству, образованию, транспорту, максимальным зарплатам и т. д. За такой шумовой и дымовой завесой было не разглядеть советской повседневной жизни и реальных человеческих судеб»⁵⁸. Подобный эффект воспроизведения советской статистики осознавал не только процитированный А. Кёстлер, но и проницательный Иеш, отказавшийся от ее использования:

Пришлось смириться с тем, что я бессилен против цифри. Именно поэтому я старался избегать цифр в своей книге. Да и вообще, тогда я должен был бы заимствовать их из чужих писаний, ведь, понятное дело, не смог бы я самолично подсчитать, сколько, к примеру, пар обуви изготавливается в России. Мне же хотелось черпать впечатления непосредственно из жизни⁵⁹.

Белградский «богатый наследник», как и его попутчики/соотечественники, пошел по пути наименьшего сопротивления, поэтому его статьи «Общественные классы в России» и «Возможна ли социализация?»⁶⁰ изобилуют показателями «постоянного прироста численности пролетариата и избытка сельского населения», а также «свободной конкуренции государства с частным капиталом». Радумеется, и трактовка «цифри» не отличалась самостоятельностью (и состоятельностью). Например, в связи с перспективами сельскохозпроизводства и индустриализации Рибникар назвал довоенную Россию «одной из самых отсталых стран Европы» и «полуколонией». Это утверждение, представляющее собой дословное заимствование из выступления председателя Совнаркома А. И. Рыкова (1881–1938) перед Конгрессом друзей СССР⁶¹ (10 ноября 1927 г.), аргументирует-ся тем, что «в 1915 г. иностранный капитал, вложенный в российскую промышленность, торговлю, банки и т. д., составлял 2205,6 млн руб., и только в российские железные дороги иностранцы вложили более

⁵⁸ Koestler A. The yogi and the commissar and other essays. P. 144–145.

⁵⁹ Иеш Д. Россия. С. 66.

⁶⁰ Рибникар В. Друштвене класе у Русији // Политика. 1928. 21 I: 1; Он же. Је ли могућа социјализација? // Политика. 1928. 09 II: 6.

⁶¹ Доклад тов. А. И. Рыкова // Конгресс друзей СССР. Издание Окружкома ВКП(б). Иркутск, 1927. С. 3–4. («Довоенная царская Россия была одним из самых отсталых государств Европы...»)

3 млрд руб.»⁶². В итоге остается недоумевать: либо иностранные инвестиции составляли фантастические 5 млрд 206 млн, либо Рибникар, учившийся во Франции живописи и архитектуре, не знал, сколько миллионов в миллиарде. Не говоря уже о том, что вышеописанная инвестиционная привлекательность государства не лучшее доказательство его «полуколониального» статуса.

Некритичное воспроизведение пропагандистских клише обнаруживается и в статье «Новая советская буржуазия», посвященной НЭПу. Рибникар объяснил его вынужденный характер, с оттенком сочувствия описывает «борьбу государства с частным капиталом», приводит параметры роста кооперативной и государственной торговли, а в заключение высказывается совершенно в духе сталинского тезиса об обострении классовой борьбы по мере приближения к социализму:

Новая русская буржуазия — это не только торговец и спекулянт. Имеются и другие буржуи, гораздо более опасные для Советов. <...> А именно, масса российской интеллигенции, которая не эмигрировала. <...> Их взяли на службу, и из них, в основном, состоит государственный аппарат. Это чиновники, врачи, инженеры, профессора, деятели искусства. Многие из них располагают гораздо большей властью, чем старые большевики, потому что они подчинили себе бюрократию. <...> И хотя верховная власть инструктирует их проводить “социализацию страны”, они, на самом деле, против нее. В душе они желают зла большевизму⁶³.

Сербские тексты тем более соответствовали пожеланиям советской «верховной власти», чем отвлеченней и туманней было рассматриваемое в них явление. Как «социализация», грядущая индустриализация или научный прогресс, о которых у Васича, Рибникара и Стояновича не могло быть иного мнения, кроме кем-то навязанного. Впечатления от увиденного воочию помимо их воли рисовали картину более противоречивую и неоднозначную (за исключением восторга от парада на Красной площади). Хотя видели они только то и встречались только с теми, кого им сочли целесообразным показать.

Например, обоим пришлась по душе экскурсия на Трехгорную мануфактуру, рабочие которой изображены настоящими ее хозяевами.

⁶² Рибникар В. Је ли могућа социјализација? // Политика. 1928. 09 II: 6.

⁶³ Рибникар В. Нова совјетска буржоазија // Политика. 1928. 15 I: 1–2.

Показательно название статьи главреда *Политики* — «Крепость с 7100 диктаторами»⁶⁴. Васич оптимизм и ударничество московских ткачей оттенел воспоминанием о депрессивном настроении гамбургских кораблестроителей:

Год-два назад я посетил многие германские фабрики. <...> Долго наблюдал за рабочими огромной судоверфи. И хорошо помню мрачные выражения их лиц. В глазах читалось: “Чего уставились? Оставьте нас в покое наедине с нашими мучениями. Неприятно, когда вы так таращитесь”⁶⁵.

Однако картина, построенная на контрасте положения советских и германских пролетариев, получилась смазанной из-за упоминания Рибникаром того, что имевшиеся на Трехгорке «современные машины закуплены в Германии» и немцами были все управляющие ими «мастера-специалисты».

Оба с энтузиазмом описали поход в рабочие столовые, которые они назвали «ресторанами»: «Эти рестораны чистые и приятные. В них царит порядок. По шуму голосов можно догадаться о хорошем настроении рабочих». По признанию Рибникара, это было «единственное в жизни кафе, где [он] обедал с уверенностью, что не съест ничего испорченного». И, несомненно, эти слова совершенно устроили бы тех, кто отправил его на фабрику, если бы он не добавил в конце:

В Москве я ел примерно в двадцати ресторанах — от ужасно дорогих, куда пускали только иностранцев, до невероятно дешевых. И везде, кроме этого места, кормили плохо. Казалось, что все грязное, как и на улице, где сплошная грязь, как и во всех домах тоже грязно. Действительно, рабочие Трехгорной мануфактуры — элита революции.

Бюрократы/оппортунисты и «бывшие люди»

Менее всего ожиданиям Советов соответствовало мнение белградских гостей о повстречавшихся им людях, которых, понятное дело, нельзя назвать случайными знакомыми. Рибникар подробно описал контакты с президентом Государственной академии

⁶⁴ Рибникар В. Тврђава са 7100 диктатора // Политика. 1928. 14 I: 1–2.

⁶⁵ Васић Д. Одабрана дела. С. 290.

художественных наук Петром С. Коганом (1872–1932) и Михаилом Кольцовым (1898–1940), которых он просил представить ему «картину русской литературы за последние 10 лет»⁶⁶. По итогам общения сербский журналист вынес два суждения. Первое показывает, что для Рибникара не только советская, но и дореволюционная литература — *terra incognita*: «Коган — весьма культурный и образованный человек. По внешнему виду — типичный довоенный русский профессор. Очень похож на чеховского “Человека в футляре”». Второе неожиданноозвучно филиппикам, которые П. Истрати обрушивал на советского «активиста-бюрократа» — беспринципного партийного работника, отрекшегося от «русского революционного идеализма», покорно следовавшего «линии партии», выступавшего за «сохранение существующего порядка, который хорош по той причине, что этот человек занимает в нем хорошее место»⁶⁷. Рибникар в том же духе, но без раздражения характеризовал Когана с Кользовым:

Это люди относительно молодые, до недавнего времени революционеры, коммунисты. Говорят они так же убедительно, используя те же аргументы, что и какой-нибудь европейский богатый торговец или банкир, доказывающий необходимость сохранения актуального положения вещей. Г-н Коган заработал славное имя и всем доволен. Кольцов — популярный, известный человек и ничего другого он не желает. <...> С психологической точки зрения легко объяснить, почему они всеми силами доказывают, что теперешнее положение в России не надо менять. <...> Если бы Россия эволюционировала в направлении капиталистического строя, они бы до конца оставались оппортунистами, все больше отказываясь от коммунистических идеалов. <...> Их менталитет ничем не отличается от менталитета буржуазии, контролирующей власть. Их мотивы столь же далеки от благородства. Поэтому я эту новую русскую буржуазию назвал “коммунистической буржуазией”.

Трагикомично воспринимаются главы, описывающие васильевские походы в гости — к пожилой «генеральше» и «красному офицеру», ранее служившему в царской армии. Оба, по-видимому, прошли соответствующую обработку перед приемом иностранца, поэтому их ответы на задаваемые им вопросы — красноречивая иллюстрация

⁶⁶ Комунистичка буржоазија // Политика. 1928. 18 I: 1.

⁶⁷ Истрати П. Исповедь для побежденных. С. 223, 92.

истории России 1920–1930-х годов. К хозяйке первого дома Васич пришел вскоре после того, как ее выпустили из «тюрьмы ГПУ, где она находилась по обвинению в контрреволюционной деятельности»:

— Ну, и как вам было в тюрьме? — спрашиваю — Наверное, страшно измучились? Как с вами обращались?

— Было неплохо. Вели себя со мной как настоящие джентльмены. Никаких мучений я не испытывала. Еда была отличная, а постель хорошая. Когда мне сообщили, что я свободна, потому что, на самом деле, и не в чем было меня обвинять, мне стало жаль, что придется выйти на свободу⁶⁸.

Надо отдать должное Васичу, который почувствовал неискренность: «Услышав такой ответ, я решил, что пора уходить. Зачем терять время? Я так и сказал, поднимаясь. Они вне всякого сомнения мне не верили и так говорили только из страха»⁶⁹.

А вот в ходе беседы с «полковником» проницательность изменила гостю, который не понял, что хозяин, разговаривая с ним, думает только о том, чтобы не сказать лишнего. На вопрос, как бывшему царскому офицеру служится в Красной армии, тот без запинки ответил:

Мы перевоспитались. И всегда, когда наши солдаты ведут себя непослушно, мы им говорим: «Вам несравненно легче воспитаться, чем нам было перевоспитаться». Ведь это очень трудно, но нам удалось. И мы очень этим довольны, потому что так гораздо лучше и гуманней⁷⁰.

Когда Васич поинтересовался, что красный командир думает о Югославии, то есть о стране, не признавшей СССР и предоставившей убежище армии Брангеля, тот снова проявил изрядную находчивость: «Мы о ней много не думаем, пускай она о нас думает».

Вне зависимости от того, что вынес Васич из общения с москвичами, для его оценки как наблюдателя и просто человека важен сам факт проявленного интереса к так называемым бывшим. Будучи «немного большевиком» и «неисправимым идеалистом», он тем не менее не превратился в стопроцентного адепта социалистического культа.

⁶⁸ *Vasich D.* Одобрена дела. С. 308.

⁶⁹ Там же.

⁷⁰ Там же. С. 318, 322.

Как Ииеша и Истрати, его интересовала человеческая цена советского эксперимента. Кроме того, как историческое свидетельство описание встреч с «контрреволюционерами» и «лишенцами» интересней парада на Красной площади.

В этом отношении одно из запоминающихся впечатлений пришлось на второй день после приезда путешественников в Москву:

Мы возвращались от Храма Христа Спасителя, со стен которого обозревали город с его бесчисленными церквями. Гуляя без какой-либо цели, мы случайно наткнулись на странную процессию. Ее возглавлял военный оркестр, за которым колонной в четыре шеренги шагали несколько сот мужчин и женщин самой разнообразной наружности. Внешний вид у некоторых из них указывал, что когда-то они были господами в полном смысле слова. Бросалось в глаза, что в этой колонне они чувствовали себя очень неловко. Затем процессия остановилась перед воротами, за которыми виднелась большая площадка и посреди нее трибуна. Благодаря нашим пропускам, открывавшим доступ повсюду, мы прошли через ворота и оказались перед трибуной. <...> Только тогда мы поняли, по какому поводу торжественная церемония. Освящался закладной камень новой Ленинской библиотеки, а в той колонне шли сотрудники библиотеки, которая сейчас располагается в старом здании⁷¹.

Облик библиотекарей автор вспомнил в связи с поездкой в Ленинград, которой мы коснемся позже. Упоминание того, откуда началась прогулка Васича, отсылает нас к его впечатлениям от посещения Храма Христа Спасителя:

Огромные языки колоколов не двигались, остановленные как будто навсегда. Мы охватили взглядом город, славный своими золотыми куполами, колокольнями и крестами. Все эти бесчисленные колокола замерли в страшном молчании. А там под стенами Кремля, в деревянном мавзолее покоялась рука, их остановившая⁷².

Упоминание колоколов, как ни странно, напрямую связано с отношением к «бывшим». И не только Васича, но и прочих европейцев, поделившихся впечатлениями о Москве 1920–1930-х годов. Согласно выявленной «закономерности», тем, кому была присуща эмпатия

⁷¹ *Vasich D.* Одобрена дела. С. 330.

⁷² Там же. С. 276.

к пораженным в правах, «контрреволюционерам» или просто нищим и беспризорникам, колокольного звона не хватало. И наоборот. Васич оказался по одну сторону условной разделительной линии с Д. Ииешом:

На колокольнях полутора тысяч храмов вот уже пятнадцать лет молчат колокола. В тот момент, когда осознаешь сей факт, сразу же понимаешь, что именно этого тебе не хватало. Вот уже четыре недели я в Москве, и лишь сейчас <...> спохватываюсь: отсутствие благовеста, тишина в часы утренних служб и обеден помимо воли легли штрихом к складывающемуся у меня облику города. Зато из храма далеко разносится пение. На улице протекает будничная жизнь, а там, внутри, на крохотном островке среди необозримого моря, кипит и бурлит, отчаянно отстаивает себя, настроение воскресного праздника. <...> Перед любым, кто в нынешней России ходит в церковь, а в особенности перед тем, кто посвящает себя религиозному поприщу, рука моя сама тянется снять шляпу, пусть я даже стократ с ними не согласен⁷³.

В. Беньямин испытывал противоположные чувства: «В Москве практически нет колокольного звона, накрывающего большие города такой неодолимой тоской. Это еще одно обстоятельство, которое понимаешь и начинаешь любить только по возвращении домой»⁷⁴. Соответственно, к «бывшим людям» философ относился без сочувствия. Их он считал не жертвами репрессивной и дискриминационной политики режима, а «гражданами, которые были лишены имущества (курсив мой. — А. С.) Революцией и не смогли приспособиться к новой ситуации»⁷⁵. В беспризорниках, напомним, он видел лишь угрозу, а нищим — детям и взрослым — отдавал должное за «хитрую организацию»⁷⁶.

Особняком стоит классик хорватской и югославской литературы писатель-коммунист Мирослав Крлежа с его описанием празднования Пасхи в Москве в 1925 г.:

Сорок сороков московских церквей пятнадцатью тысячами колоколов гремели и протестовали той ночью во имя Господа Бога, его величества русского царя, их превосходительств Колчака, Деникина

⁷³ Ииеш Д. Россия. С. 136–137.

⁷⁴ Беньямин В. Московский дневник. С. 180.

⁷⁵ Benjamin W. Moscow diary // October. 1985. Vol. 35. P. 85. URL: <http://www.jstor.org/stable/778471> (дата обращения: 02.03.2025). Цитата приводится по англоязычному изданию, так как русский перевод этого фрагмента текста неверен.

⁷⁶ Беньямин В. Московский дневник. С. 55.

и Врангеля: “Мы протестуем во имя Его Святейшества русского патриарха в Сремских Карловцах. Да будут прокляты Бронштейны и Апфельбаумы!” Это больше не был пасхальный звон. <...> Лай бешеных собак с окровавленными пастьями, ядовитая канонада бранни, желчи и ненависти, анафема безумных проклятий — этот звон завывал панихидой над свободой мысли человека⁷⁷.

Москва — одно, а вся остальная Россия — другое

Что касается поездки Васича в Ленинград, то она состоялась под конец пребывания в СССР и, по-видимому, прошла под менее бдительным контролем. На это указывает и заголовок главы — «Ненадолго в замешательстве». Причиной ему послужил внешний облик города и его жителей:

В Петрограде, каким он предстал перед нами, мы не смогли наблюдать той напряженной духовной деятельности, к которой мы привыкли в Москве. Здесь тоже присутствовала не менее напряженная деятельность. Только ее целью было физическое выживание. Это впечатление, возможно, было ошибочным, только мы от него не могли избавиться. Под его воздействием у меня зародилось подозрение: что, если Москва — одно, а вся остальная Россия — другое? Так я пережил один из страшных дней, полный сомнений и мучительного кризиса⁷⁸.

Направляясь к Летнему саду, Васич шел навстречу «пестрой реке торопящихся куда-то людей», над которыми «висело в воздухе ощущение тяжелой нужды». Это вызвало у автора единственно верную литературную ассоциацию за все время пребывания в СССР, а именно, ему пришел на ум рассказ Евгения Замятиня «Пещера». Затем он вспомнил, что такие же удрученные лица, как у ленинградцев, он видел у московских библиотекарей.

Заключение

«Заключение» можно назвать повторением книги Васича в миниатюре. В последней главе встречаются те же компоненты, что и в предшествующем тексте, а именно: прославление СССР,

⁷⁷ Krleža M. Izlet u Rusiju 1925. Sarajevo: Oslobođenje, 1973. S. 197.

⁷⁸ Васич Д. Одабрана дела. С. 329–330.

разбавленное признаниями в сомнениях, подозрениях и неспособности вынести окончательное суждение об увиденном. Современная Россия восхвалялась за «великий эксперимент и напряженный поиск», за «невиданный в истории перелом» и «создание нового общественного устройства». И никто не вправе критиковать эти «невиданные и позитивные усилия». Ни сербы — «слабаки нашей эпохи, у которых нервы не выдержат смотреть на эти муки рождения», ни «загнивающий Запад, который больше ничего не ищет, не имея для этого воли, а все еще верит в какое-то свое право оценивать Россию, погрязнув при этом в духовном болоте». Васич сетовал, что, в отличие от Есенина, возвращаясь на родную землю, он не испытывает желания опуститься на колени и поцеловать ее. Ведь, когда он уедет из Советского Союза, «на другой стороне» встретит его «бесконечная духовная пустота», «духовное кладбище, ставшее намного обширней и ужасней». Утешает лишь, что есть и «сторона света, где духовная и душевная жизнь не в таком запустении».

Панегирик Стране Советов соседствует с менее восторженной констатацией:

[С]ложная и загадочная Россия ни сейчас, ни в прошлом не позволяет ясно себя понять, как это не составляет труда в случае с любой другой страной. Явления, которые сегодня очаровывают своей привлекательностью, завтра глубоко печалят своими темными сторонами. Россия мучит каждого, кто хотел бы объясниться с ней начистоту и уехать из нее с четкими и недвусмысленными заключениями и решениями⁷⁹.

Означает ли все высказанное, что Васич, посетив Советскую Россию, не достиг какого-то качественно нового ее понимания, не вынес урока, полезного для своей страны и своего народа? Нет, не означает. Урок этот, значимый не только для представителя левицы, а для любого русофила, столкнувшегося лицом к лицу с объектом своей привязни, сформулирован не в «Заключении», а в главе «Прошлое». Смысл его в том, что, как хорошо ни относись к России, не стоит следовать ее путем или копировать ее опыт: «Все, что пережил этот народ, мог пережить *только он*. А остальным следует крепко задуматься, «что же это за народ, как его понять <...>, потому что после всего,

⁷⁹ *Vasich D.* Утици из Русије. С. 467–468.

что он под последним царем вынес, после того, как его сверг, он решил его судьбу следующим образом <...> — совершил ужасное убийство. Не только самого царя, но и его дочерей, неповинных в грехах отца и своих предков»⁸⁰.

После возвращения домой Васич еще некоторое время состоял в переписке с ВОКС, надеясь познакомить советскую общественность с достижениями сербского/югославского искусства и науки. Эти контакты не уродились сколь-нибудь значимым плодом, так как О.Д. Каменева и следующие руководители ВОКС любое общение с заграницей рассматривали не с точки зрения взаимного культурного обогащения стран и народов, а исключительно как способ политической пропаганды. То есть совершенно в духе вышеупомянутого красного полковника: «Мы о ней много не думаем, пускай она о нас думает». Единственным результатом усилий Васича стала публикация в СССР в 1931 г. его переведенной на русский язык книги в 16 страниц⁸¹.

Со временем сомнения, испытываемые сербским писателем в связи с темными и светлыми сторонами «великого эксперимента», разрешились в ожидаемую сторону. «Идеализм» выветрился, как смягчилось и отношение к престолу. В 1930-е годы Васич предстает не леваком, а националистом-консерватором, главой респектабельного адвокатского бюро, членом ПЕН-клуба и масонской ложи, академиком Сербской королевской академии, главным редактором газеты *Српски глас* («Сербский голос»), издававшейся Сербским культурным клубом. Если верить Д. Йовановичу, наш герой примирился с королем Александром и даже «оказывал ему прямые услуги»⁸². Во время Второй мировой войны Васич стал одним из идеологов Равногорского четнического движения⁸³. Весной 1945 г. в составе одного из крупных отрядов четников он попытался перейти в Словению — навстречу англичанам с американцами и подальше от наступавшей Красной армии и титовских партизан. Безуспешно. В апреле 1945 г. Васича казнили хорватские усташа, в плenу у которых он оказался после разгрома отряда.

⁸⁰ *Vasić D.* Одабрана дела. С. 297.

⁸¹ *Vasić D.* По ошибке. М.: Издательство ЦК МОПР СССР, 1931. 16 с.

⁸² *Jovanović D.* Медаљони. Београд: Службени гласник, 2008. Књ. З. С. 14, 225.

⁸³ Подробнее см.: Тимотијевић 2019.

Литература

- Баровић 2016 – *Баровић В.* Значај Владислава С. Рибникара у медијском развоју и јачању дневног информативно-политичког листа «Политика» // Годишњак Филозофског факултета у Новом Саду. 2016. Књ. XLI-1. С. 33–46. DOI: 10.19090/gff.2016.1.33-46.
- Богуновић 2019 – *Богуновић С.Г.* Људи «Политике». Лексикон сарадника (1904–1941). Београд: «Политика А.Д.», 2019. 721 с.
- Дэвид-Фокс 2015 – *Дэвид-Фокс М.* Витрины великого эксперимента. Культурная дипломатия Советского Союза и его западные гости, 1921–1941 годы. М.: Новое литературное обозрение, 2015. 568 с.
- Јовановић 2011 – *Јовановић М.* О «две Русије» у српском друштву или Русија «за унутрашњу употребу»: слика Другог као идентитетско самодефинисање // Срби о Русији и Русима: Од Елизавете Петровне до Владимира Путина (1750–2010): Антологија / [приредио] Мирослав Јовановић. Београд: Службени гласник. 2011. С. 11–44.
- Кончаревић 2020 – *Кончаревић К.* Русија и руси у српској мемоаристици 1917–1927 // Славистика. Београд, 2020. Vol. 24. № 1. С. 95–104. DOI: 10.18485/slavistika.2020.24.1.8.
- Матовић 2015 – *Матовић В.* Руски архив и «повраци из СССР-а» (Драгиша Васић, Сретен Стојановић, Станислав Винавер, Мирослав Крлежа) // Часопис «Руски архив» (1928–1937) и култура руске емиграције у Краљевини СХС/Југославији. Зборник радова / уреднице В. Матовић, С. Бараћ. Београд: Институт за књижевност и уметност, 2015. 649 с.
- Морен 1995 – *Морен Э.* О природе СССР: Тоталитарный комплекс и новая империя. М.: Наука для общества; РГГУ, 1995. 220 с.
- Радојевић 2015 – *Радојевић М.* Драгиша Васић и Совјетска Русија // Зборник Матице Српске за историју. Нови Сад: Матица српска, 2015. №92. С. 77–91.
- Рыклин 2009 – *Рыклин М.* Коммунизм как религия: Интеллектуалы и Октябрьская революция. М.: Новое литературное обозрение, 2009. 136 с.
- Тимотијевић 2019 – *Тимотијевић М.* Драгиша Васић и српска национална идеја. Друго допуњено издање. Београд: Службени гласник, 2019. 588 с.
- Холландер 2001 – *Холландер П.* Политические пилигримы (путешествия западных интеллектуалов по Советскому Союзу, Китаю и Кубе 1928–1978). СПб.: Изд-во «Лань», 2001. 592 с.

References

- Barović, V., 2016. Značaj Vladislava S. Ribnikara u medijskom razvoju i jačanju dnevнog informativno-političkog lista "Politika". *Godišnjak Filozofskog fakulteta u Novom Sadu*, XLI-1, pp. 33–46. doi: 10.19090/gff.2016.1.33-46. (in Serb.)

- David-Fox, M., 2015. *Vitriny velikogo eksperimenta. Kul'turnaia diplomatiia Sovetskogo Soiuza i ego zapadnye gosti, 1921–1941 gody* [Showcasing the great experiment. Cultural diplomacy and Western visitors to the Soviet Union, 1921–1941]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 568 p. (in Rus.)
- Hollander, P., 2001. *Politicheskie piligrimy (puteshestviia zapadnykh intellektualov po Sovetskому Soiuzu, Kitaiu i Kube 1928–1978)* [Political Pilgrims: Travels of Western Intellectuals to the Soviet Union, China, and Cuba 1928–1979]. Saint-Petersburg: Izd-vo "Lan", 592 p. (in Rus.)
- Jovanović, M., 2011. O "dve Rusije" u srpskom društvu ili Rusija "za unutrašnju upotrebu": slika Drugog kao identitetsko samodefinišanje [On the "two Russias" in Serbian society, or Russia "for internal use": the image of the Other as identity self-definition]. In: Jovanović, M., ed. *Srbi o Rusiji i Rusima: Od Elizavete Petrovne do Vladimira Putina (1750–2010): Antologija* [Serbs on Russia and Russians: From Elizaveta Petrovna to Vladimir Putin (1750–2010): An Anthology]. Belgrade: Službeni glasnik, pp. 11–44. (in Serb.)
- Končarević, K., 2020. Rusija i rusi u srpskoj memoaristici 1917–1927 [Russia and Russians in the Serbian memoirs 1917–1927]. *Slavistika*, 24, 1, pp. 95–104. doi.org/10.18485/slavistika.2020.24.1.8. (in Serb.)
- Matović, V., 2015. Ruski arhiv i "povraci iz SSSR-a" (Dragiša Vasić, Sreten Stojanović, Stanislav Vinaver, Miroslav Krleža) [The Russian Archive and "returns from the USSR" (Dragiša Vasić, Sreten Stojanović, Stanislav Vinaver, Miroslav Krleža)]. In: Matović, V., Barać S., eds. *Casopis "Ruski arhiv" (1928–1937) i kultura ruske emigracije u Kraljevini SHS/Jugoslaviji. Zbornik radova* [The magazine "Ruski arhiv" (1928–1937) and the culture of Russian emigration in the Kingdom of SHS/Yugoslavia. A collection of articles]. Belgrade: Institut za književnost i umetnost, 649 p. (in Serb.)
- Moren, E., 1995. *O prirode SSSR: Totalitarnyi kompleks i novaia imperiia* [On the nature of the USSR: Totalitarian complex and new empire]. Moscow: Nauka dlia obshchestva; RGGU, 220 p. (in Rus.)
- Radojević, M., 2015. Dragiša Vasić i Sovjetska Rusija [Dragiša Vasić and the Soviet Russia]. *Zbornik Matice Srpske za istoriju*, 92, pp. 77–91. (in Serb.)
- Ryklin, M., 2009. *Kommunizm kak religija: Intellektualy i Oktiabr'skaia revolusiiia* [Communism as a religion: Intellectuals and the October Revolution]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 136 p. (in Rus.)
- Timotijević, M., 2019. *Dragiša Vasić i srpska nacionalna ideja. Drugo dopunjeno izdanje* [Dragiša Vasić and the Serbian national idea. Second revised edition]. Belgrade: Službeni glasnik, 588 p. (in Serb.)

Alexander A. Silkin

PhD, Senior Research Fellow, Institute of Slavic Studies RAS,
Moscow, Russia. 119334, Leninskii Prospekt, 32A.
E-mail: alexander.silkin.as@gmail.com

Celebrating the Decennial Anniversary of the October Revolution in Moscow Through the Eyes of Serbian Leftist Intellectuals. 1927–1928

In the autumn of 1927, the USSR celebrated the tenth anniversary of the October Revolution. The celebration turned into a propaganda campaign, the aim of which was to demonstrate the “achievements of the proletariat” and to improve the international reputation of Soviet Russia. For this purpose, foreign political and cultural figures, mainly of leftist views, were invited. They were expected to present to their compatriots what they had experienced in a positive light. The novelist Dragiša Vasić, the sculptor Sreten Stojanović and the editor-in-chief of the Belgrade newspaper *Politika*, Vladislav Ribnikar, represented the Serbian Civic Left in Moscow. This article places their travel notes in the broader context of the perception of Soviet Russia by Western leftist intellectuals. Serbian travelogues also shed light on the bizarre transformation of traditional Serbian Russophilia, predetermined by the role that St. Petersburg (Petrograd) had played in the national emancipation of the Serbs in the eighteenth and nineteenth centuries, at least in the minds of the interwar leftists. Critical of Tsarism, as well as of their own political establishment, Serbian leftists projected their idealised visions of Russia onto the first socialist state. Impressed by the scale of the Soviet experiment, the representatives of the Civic Left did not fall completely under the spell of the socialist myth embodied in the USSR. This confirms the hypothesis that among the general mass of European leftist intellectuals who sympathised with the Soviets, there were different groups – from 100% “believers” to sympathetic “fellow travellers”, to which the Serbian authors belonged.

Keywords: Serbia, Kingdom of Serbs, Croats and Slovenes, Yugoslavia, the Soviet Union, the October Revolution, Russian-Serbian relations, Dragiša Vasić, Sreten Stojanović, Vladislav Ribnikar, Dragoljub Jovanović

Received: 5 March 2025

Accepted: 6 June 2025

How to cite: Silkin, A. A., 2025. Prazdnovanie 10-letiia Oktiabr'skoi revoliutsii v Moskve glazami serbskikh levykh intellektualov. 1927–1928 gg. *Central-European Studies*, 8, pp. 274–307. <https://doi.org/10.31168/2619-0877.2025.8.10>